

«Дерзай, дочь!»
«Confide, filia!»

22 ноября 1444
24 воскресенье после Троицына дня
св. Цецилии
Майнц

1. «Дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя»¹.

Христос, когда в главе 4 у Матфея и в главе 4 у Луки говорит, что *не хлебом единым жив человек, но словом Божиим*², учит нас, что есть два рода питания: одно для тела, другое для духа. Дух питается словом, или логосом, или разумом³. Поэтому духовное питание Христос изображает как *вечерю*, как питание телесное, например, когда Он Сам, Логос Божий, *зовёт на вечерю, готовит её, служит* при ней⁴ и т.п.

Так вот проповедник есть, по-моему, нечто вроде готовящего трапезу хлебопёка или повара. Из пространства Писания выбирает он слово Божие, которое затем, готовя в пищу, перемалывает и выпекает.

2. Однако хлебопёки и повара бывают разные. Есть такие хлебопёки, которые умеют из некоего объёма зерна сделать самый лучший хлеб, хлеб наибогороднейший. Зерно они перемалывают тщательно, чтобы извлечь самую его сердцевину и из этой сердцевины, или тучности, сделать хлеб, достойный царей, т.е. умов благороднейших. О нём говорится как о *тучном хлебе* Христовом, что *будет доставлять царские яства*⁵.

У других, хотя и они тоже дробят пшеницу, из того же зерна получается хлеб уже не столь добрый и тучный, ибо им не хватает умения извлекать сердцевину. Тем не менее и у них выходит хлеб добрый, белый и сладкий, хотя и более грубый, чем предыдущий.

А есть и такие, у кого из той же пшеницы выходит хлеб грубый, ибо они не перемалывают пшеницу как должно и, раздробив, не производят деления, но позволяют частицам оболочки, отрубям, смешаться с прочими. Но и такой хлеб хорош как пища для умов более грубых.

Итак, из той же самой пшеницы одни хлебопёки получают хлеб для высшей знати из изысканной сдобы, другие хлеб из отрубей для низшего звания, третьи посередине - смешанный.

¹ Мф. 9, 22

² Мф. 4, 4; Лк. 4, 4

³ «verbo seu logo seu ratione» - см. прим. к «О равенстве» 7

⁴ Мф. 22, 14; Лк. 14, 24; Мф. 26, 19; Мк. 14, 12; Лк. 22, 9; 22, 27

⁵ Быт. 49, 20

Однако редко или вообще никогда не найдёте вы одинаковых хлебопёков из разных местностей, да даже и из одного и того же места, точно так же как не во власти одного и того же хлебопёка всегда получать одинаково хороший хлеб.

3. То же самое можете отнести и к проповедникам, ибо между ними тоже существует разница столь же великая, как и между хлебопёками.

Но по-настоящему хороши проповедники, которые, умея *пшеничное зерно*⁶, каковое есть Христос, перемолоть как должно, добравшись до тучной сердцевины, после того знают ещё и как приготовить из него разные хлебы для разных званий: благородного, среднего и низшего. И предлагают эти хлебы Церкви одновременно, чтобы найти себе пищу мог по своему чину каждый. Причём хлебопёк не может всегда получать одинаково хороший хлеб, ибо сие зависит от благодати Божией.

Вы же не должны смотреть на то, кто таков хлебопёк, но на сам хлеб, ибо если не взалчете, то не распознаете доброго хлеба. Если же *вкусите и увидите* хлеб с желанием, то распробуете его *сладость*⁷. Алчущий, где бы ни нашёл возможность получить хлеба, не станет спрашивать об обстоятельствах хлебопёка, какого тот образа жизни, какой народности, чист или нет, но будет смотреть только на сам хлеб. И [даже] если не сможет получить хлеба по своим свойствам и чину (скажем, благородного, если сам он благороден), то [всё равно] возьмёт себе другого, ибо алчет.

Итак, о возлюбленные, никто да не окажется не алчущим! Ибо если будете *алчущими*, то *исполнитесь благ*, а если сытыми и разборчивыми *богачами*, то останетесь *ни с чем*⁸.

Лишены же алкания те, кто, ещё не поев, уже любопытствуют об обстоятельствах хлебопёка и повара, или же кто, обнаружив, что мука была не самой чистой и сытной, готов из-за этого пренебречь хлебом, или же кого отвращает избыток хлеба, ибо будь они алчущими, не пренебрегали бы избытком, но запасались впрок, или же кто в своём низком и грубом звании привык есть отруби и потому отворачивается от сдобы (или наоборот). В самом деле, если подождать пока хлебопёк вынет из печи все хлебы, то свой привычный хлеб сможет найти себе и каждый *по чину своему*. Я, однако, советую приучать себя к благородству и употреблять пищу поблагороднее, ведь человек, если постарается подготовить себя, сможет вкусить даже от хлеба ангельского. Поэтому помолимся, чтобы хлебопёк оказался благосклонен преподать нам *хлеб, имеющий в себя всякую приятность*⁹, и т.д.

Основная тема

⁶ Ин. 12, 24

⁷ ср. Пс. 33, 9

⁸ Лк. 1, 53

⁹ Прем. 16, 20

4. «Доверься, дочь! вера твоя спасла тебя»¹⁰ (Мф. 9 и в евангельском чтении¹¹).

Из евангельского чтения почерпнём сегодня четыре в высшей степени удивительных поучения:

Первое – что этим Учителем, учившим народ и открывшим (когда сказал: «*Доверься, дочь! вера твоя спасла тебя*») женщине тайну, был Иисус, начало, середина и конец всякого бытия, жизни и ума. Второе – что приходим к Нему верой. Третье – что прикасаемся надеждой. Четвёртое – что привязываем и удерживаем любовью.

5. Первое поучение выводится так: *начальник, поклонившись Иисусу и попросив у Него жизни для своей умершей дочери*, тем самым Того, Кому поклонился и у Кого попросил жизни, исповедал Подателем жизни.

Ибо ведь в самом деле, жизнь даётся ничем иным, как только самой абсолютной жизнью, или первоисточным началом жизни¹². Тогда из исповедания начальника выводим: попросив у Иисуса, начала, вернуть жизнь умершей дочери, он тем самым признал, что жизнь ей, хоть она и его дочь, дал не сам он, а Бог через него, и что дочь вернула дух жизни Богу (у Луки в 8 главе сказано: «*и вернулся дух в неё*»¹³).

Ещё отсюда имеем: из исповедания начальника следует, что жизнь смертью не заканчивается, имея в виду жизнь нашего духа, восстановить который в дочери после смерти он как раз и просил. Конец – тоже жизнь, даже и по разрешении духа от тела, которое зовётся смертью.

Однако начальник видел перед собою человека, тварное существо. Но, видя Его тварным телесными очами, которые ничего кроме телесного творения и не воспринимают, оком ума в то же время увидел в Нём Бога, и потому Его Самого – как Альфу и Омегу. И *Перворождённому всей твари*¹⁴ поклонился.

В свою очередь, женщина, попросившая здоровья, то есть сохранения жизни, тем самым исповедала, что Он и есть жизнь, хранящая каждого живущего, а также что *сила Божия*¹⁵ сообщила не только «одеянию божества», т.е. плоти, но и одеянию плоти, вплоть до *бахромы на ризе*, не в том смысле, что будто бы исцеляла одежда, но желая исповедать преизбыточествующее – вплоть до *края ризы*¹⁶ – изобилие благодати Христовой. И тем самым исповедала Его Мессией, т.е. помазанным помазанием *полноты благодати*, «*паче причастников*», превыше верховного первосвященника

¹⁰ «confide» - ср. Септуаг. «θάροει», синод. «дерзай!», «не бойся!» в пер. Аверинцева. Лат. «confidentia» (уверенность, доверие) в этом евангельском стихе максимально заостряет тему веры, что особенно важно в контексте толкования у НК ниже: спасительная fides completa, confidentia как полная уверенность и безоговорочное доверие. Ср. также «смелость», «упование» - цсл. и русские соответствия латинской «confidentia» в цитируемых НК библейских стихах ниже (§19).

¹¹ воскресное чтение: Мф. 9, 18-26; см. также позднюю проп. CCLII того же воскресенья

¹² «principium fontale» - см. прим. к XIX, 13

¹³ Лк. 8, 55

¹⁴ Кол. 1, 15

¹⁵ см. Мк. 5, 30

¹⁶ Пс. 132, 2

Аарона¹⁷. Ибо помазание Аарона – это благодать опосредующая, тогда как помазание Христа есть помазание Начальника, властного от полноты Своей сообщать другим.

В истине же своего исповедания оба - и архисинагог, и женщина - воочию убедились наглядностью совершившегося чуда.

6. Во-вторых из евангельского чтения видим, как оба, и начальник, и женщина, прежде услышали о Христе, что Он – Спаситель, и тогда, поверив, *приступили* к Нему. То есть, прийти их подвигла вера.

В-третьих, видим, как женщина *сама в себе говорила*: «*если только прикоснусь... и т.д.*» То есть, понадеялась получить от Христа здоровье - и дотронулась до Него. Прикоснуться к Спасителю подвигла её, тем самым, надежда. Точно так же надежда, бывшая в начальнике, подвигла Спасителя прикоснуться к спасаемой дочери.

В-четвёртых же, видим как от полноты веры, или *доверия и уверенности*, вспыхивает любовное влечение, и тогда желание обнаруживает себя в мольбе и просьбе. Эта любовь (агос) есть форма, придающая вере и доверию, или надежде, завершенность и полноту; именно она есть то, что принимает, связывает и преобразует.

Отсюда отметить: У Христа просят спасения, и Христос отвечает, что вера и доверие обеспечивает то, чего, влекомые любовью, просят. Ведь изъявлять желание и просить можно только о том, к чему влечёт любовь. Спаситель любим – и спасает. Спасает любовь, ибо любовь есть любовь к Спасителю. В любовном влечении уже присутствует предмет влечения, поэтому в любви и присутствует любимый Спаситель.

«*Бог есть любовь (caritas), и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём*»¹⁸. Тогда та вера, о которой Спаситель говорит, что она спасает, есть вера (или *доверие*) полная, т.е. вера, оформленная любовью.

Таким образом, имеем: Кто не знает Христа и к Нему не приходит, а если и приходит, то не прикасается, а если и приходит и прикасается, но не схватывает и связывает, тот лишён спасения.

И вот пусть сегодняшним нашим упражнением будет позаниматься немного этими пунктами – станем постепенно разжёвывать каждое поучение, пока, распробовав его сладость, алчущий дух наш не сможет наконец укрепить себя пищей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7. Итак, во-первых поговорим о поучении первом, и в себе самих поищем, что есть Иисус. Ибо, только найдя Иисуса в себе самих, сможем обрести Его.

В самом деле, любое движение замкнуто пределами вида, и всякая вещь успокаивается в своей видовой природе. Вид – это некое небо, охватывающее всё индивидуальное

¹⁷ Ин. 1, 16; Пс. 44, 8

¹⁸ 1 Ин. 4, 16

движение своей природы. Поэтому ни у чего не бывает движения за пределы своего неба; но движение любой вещи - в том, чтобы достичь совершенства своего вида, вне которого она не считает, что сможет усовершенствоваться, а вернее, считает, что всё совершенство уже заключено в собственном небе. Поэтому глаз не испытывает беспокойства, когда не слышит или не чувствует вкуса – глаз не считает слух, вкус, осязание или обоняние за то совершенство, которого глазу должно желать. Глаз стремится единственно к видению, чтобы в видении обладать всем доступным видению совершенством. Поэтому глаз беспокоен, пока не увидит всего, что видимо, а ухо беспокойно, пока не услышит всего, что слышимо, по слову Соломона, сказавшего: «*не насытится око зрением, а ухо слушанием*»¹⁹.

Равным образом и никакой индивид того или иного вида не движется иначе, как внутри собственного вида. Собака не может захотеть стать кошкой, или ослом, птицей или рыбой. И человек не может стремиться к бытию другого вида, даже ангельского²⁰.

8. Однако внутри своего вида, каковой вид есть разумное животное, обладающее умом (*intellectum*), человек не успокоится, пока не обретёт совершенства своего бессмертного вида. В собственной своей человечности, выйти из которой он не хочет, хочет человек поэтому обрести всё совершенство!

Человек, однако, обладает жизнью. Поэтому человек не хочет ничего другого, как обладать жизнью совершенной и нескудеющей. И поскольку жизнь разумная более совершенна, чем чувствующая, которая присуща и скотам, то человек поэтому хочет обладать совершенством в жизни именно разумной. Человек захочет скорее не быть вообще, чем не быть разумным животным; стремление стать скотом другого вида для человека невозможно, поэтому всякий человек стремится обладать в своей человечности совершенной, разумной и нескудеющей жизнью.

Точно так же стремится он в совершенстве помыслить всё мыслимое, ибо как видение есть жизнь глаза, так мышление есть жизнь мыслящей души. И поэтому ум никогда не насытится частным восприятием того или иного мыслимого – его движение не успокоится, пока не достигнет всего, что можно помыслить.

Точно так же и воля никогда не насытится приобретением тех или иных благ, пока не приобретёт всё благо.

Таким образом, человек не успокоится, пока не достигнет в своей человечности той жизни, которая есть смысл всякой жизни, той истины, которая есть смысл всего истинного и мыслимого, того блага, которое есть смысл всякого блага и всякого предмета стремлений.

И так как это движение присуще человеку от природы его человечности, то отсюда следует возможность для человека, чьё движение [во-первых] не напрасно и [во-вторых] не направлено за пределы вида, достичь покоя этого движения внутри самого вида человечности.

¹⁹ Еккл. 1, 8

²⁰ ср. CCLXXIII, 21

9. Человечность же, в силу которого все люди суть люди, едина. Человечность одного не отличается от человечности другого, хотя один человек и не есть другой, подобно тому как это белое не есть то белое, при том что едина сама белизна, в силу которой как то, так и это суть белые.

Но и помимо человека человечность существовать не может, ибо в этом и состоит бытие человечности: бытие человечности есть человек.

Тогда движение моей человечности направлено к тому, чтобы обрести мне покой в человеке моей человечности. И так как больше и лучше того, что должно принести мне покой (то есть жизни без тления, истины без ошибки, блага без какого бы то ни было зла), невозможно ничего ни назвать, ни помыслить, то я называю это Богом, ибо Бог и есть то величайшее и наилучшее, больше и лучше чего помыслить невозможно. Причём это - то, больше и лучше чего помыслить невозможно, - есть покой и предел движения умного духа. Следовательно, движение моей человечности состоит в том, чтобы в человеке моей человечности достичь мне Бога.

10. Тем самым, в себе самом обнаруживаю я человека моей человечности, который такой Человек, что вместе с тем также и Бог, - того Человека, в Котором единственно только и достигим для меня в моей человечности покой. Ибо покой – это Бог²¹.

Таким образом, Тот Человек, Который вместе с тем и Бог, и есть Тот, к Кому по природе человечности устремлено движение всех людей. И это - Иисус Христос благословенный.

Сей Иисус, *«желаемый всеми народами»*²², был сокрыт и пришёл в этот мир после долгого ожидания и, как говорит Дионисий к Гаю²³, явил Себя в том, что, быв человеком, совершал действия сверхчеловеческие, *как власть имеющий*. Ступал по морю, исцелял недужных, возвращал зрение слепым и жизнь умершим, и всеми этими знаменами, *Сам облицием быв, как любой другой человек, доказательно явил Себя Богом*²⁴.

Поэтому Христос, как сообщает Лука в 7 главе²⁵, на вопрос учеников Иоанновых, *Он ли это, или ожидать другого*, ответил, чтобы передали Иоанну о том, как исцеляются слепые, хромые и прокажённые. Услышав это, а именно что ущербный человек Иисусом исцеляется и спасается, Иоанн Креститель убедился, что Он есть истинный Мессия, т.е. Христос, восполняющий всякий наш ущерб. Это и есть доказательное явление нашего Мессии, Коему имя наречено Иисус, т.е. «спасение», очевидным образом совершаемое Им в этом евангельском чтении.

11. Таким образом, мы обнаруживаем, что Иисус, воскресивший дочь начальника и исцеливший женщину от кровотечения есть *Сын Человеческий*, брат наш,

²¹ «quies enim Deus est» - ср. Августин, «Исповедь» XIII, 38 (53): «tua quies tu ipse es»

²² Агг. 2, 8

²³ см. Дионисий Ареопагит, Послание IV к Гаю

²⁴ Мф. 7, 29; Флп. 2, 7

²⁵ Лк. 7, 19-22

*перворождённый всей твари*²⁶, через Кого достигаем в нашей человечности окончательного мира и покоя, цели разумного движения нашего духа.

Он – тот «Начальник»²⁷, Которого, *стена*, жаждет *вся тварь*²⁸. Ибо вся тварь желает существовать наилучшим из возможных способом, а этому не осуществиться иначе, как в человеке, свёртывающем в своей умной [природе] все природы низшие, причём в таком Человеке, Который вместе с тем был бы и Богом. В *неизреченной радости*²⁹, которая есть живая жизнь нашего духа, *вкушать и видеть*³⁰ то самое, *чем живём, движемся и существуем*³¹, - вот чего вся разумная человеческая природа *со стоном и воздыханиями неизреченными*³² не перестанет жаждать, пока остаётся отлучена от славы обладания.

Таким образом, этот предмет всеобщего желания есть не что иное как *глава и начало* наше, Сын Божий, *перворождённый всей твари*, через Которого всякая тварь вышла в бытие, и возвращения в Которого ожидает, и пока не вернётся в покой, *стонет*, как пишет Павел в главе 8 к Римлянам³³.

12. Вот раскрытие - в какой-то мере - первой части, откуда можем научиться, как найти Христа в себе самих, а также что Он есть наше вожделенное совершенство, восполняющее всё и упокоивающее наше движение - когда мы в этой самой нашей человечности достигнем наконец в Нём божественной жизни и предела всех желаний.

Ибо Он - Сын Божий по рождению, и в Нём мы получаем *усыновление*, через Него тоже становясь *сынами Божиими*. Он – *наследник всего*, и в Нём мы тоже наследники, или *сонаследники*. Он – *истина*, и в Нём постигаем истину, чтобы пребывать в истине, подобно тому как Он Сам есть истина³⁴. В Нём поэтому наша мудрость, наше разумение, наша жизнь, наше веселье и невыразимая радость восприятия в вечном покое славы святых.

В самой природе нашей собственной человечности, одной и той же у Него и у нас, соединяемся мы как *члены тела* с Ним, нашей *главой*, в Торжествующей Церкви, подобно тому как Он Сам соединён с Отцом в единстве божественной природы Обоих. Это и есть та безмерная *радость*, *к которой никто у нас не отнимет*³⁵.

Так пусть будет сказано о первом [поучении].

²⁶26 Мк. 2 10; Кол. 1, 15

²⁷27 «princeps» - 1 Пет. 5, 4; Откр. 1, 5

²⁸28 Рим. 8, 22

²⁹29 1 Пет. 1, 8

³⁰30 Пс. 33, 9

³¹31 Деян. 17, 28

³²32 Рим. 8, 26

³³33 Рим. 8, 19-22

³⁴34 Рим. 8, 23; 16-17; Евр. 1, 2; Ин. 14, 6

³⁵35 Ин. 16, 22

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

13. Второй вопрос, как я уже сказал, таков: В каком смысле вера есть то, благодаря чему приступаем мы к Спасителю?³⁶

Всё, что приводит нас в движение, есть вера³⁷. В самом деле, не будь у земледельца веры, что земля вернёт ему семя сторицей, он бы и не двинулся сеять, не так ли? Весь хлеб у нас есть благодаря вере, без которой не было бы посевов. Разве не благодаря вере возникают новые насаждения? Виноградарь верит, что лоза принесёт плод через три года, и именно поэтому сейчас насаждает её, так что подвигает его к этому вера. Отними веру – и лишились бы мы всех плодов винограда, плодовых и прочих садовых деревьев и растений. Разве не благодаря нашей вере в необходимость получить наставление в грамоте или другом каком-нибудь искусстве приходим мы, неучи и невежды, к учителю? Отними веру – и мы никогда не усвоили бы никакой науки.

Любое восприятие всегда предваряемо верой. И ум наш не восприимчив, пока к пониманию не подвигнет его вера, по слову Исайи: «Если не поверите, не поймёте»³⁸.

По-моему, иначе как через веру не прийти ни к истине, ни ко лжи, ведь только поверив, можно обмануться. Даже дьяволу не обмануть никого, кроме поверивших ему. И точно так же ни мир, ни плоть не обманывают никого, кроме поверивших.

Тем самым вера подвигает нас ко всему, и к богатству, и к нищете, что очевидно на примере торговцев.

14. Итак, продвигающемуся к стяжанию истинного спасения надлежит поверить в достигаемость истинного спасения, а также что достигаемо оно через Христа и во Христе. Поверивший так уже тем самым внутри себя мысленно зачинает то, на что надеется в будущем, хотя ещё этого не видит и не знает, разве что *гадательно*³⁹. И такая *вера вменяется в праведность*⁴⁰, ибо человек приносит здесь Богу свою высшую духовную способность – ум и интеллект, предаёт его Богу и делает его рабом Богу. Ибо ум тогда делается рабом, когда принимает веру⁴¹. Ведь по свободе своей ум желает прежде понять, чем поверить; и если, [всё же прежде] поверит, то тем самым отдаёт себя в рабство и принимает веру, подобно тому как больной, чтобы выздороветь, доверяется врачу и не спрашивает о свойствах лекарства перед тем как принять его, но просто и безусловно верит врачу. И этим своим доверием к врачу заодно признаёт собственную

³⁶ весь §13 ниже почти целиком цитирует (без ссылки) Бернард Вагинг в своём «Defensorium Laudatorii Doctae ignorantiae» (E.Vansteenberghе, «Autour de la docte ignorance: une controverse sur la théologie mystique au XVe siècle», Münster: Aschendorff, 1915 - p. 170)

³⁷ ср. «О Богосыновстве» I, 53; CCLXVIII, 2

³⁸ Ис. 7, 9 (цсл.)

³⁹ 1 Кор. 13, 12

⁴⁰ Рим. 4, 5

⁴¹ ср. CCLXVIII, 18-20

болезнь и собственное невежество, а также признаёт врача тем, кто достоин доверия. Случается даже, когда врач особенно надёжный, авторитетнейший, что ты веришь в исцеление от одной его руки (как говорится, «рука врача исцеляет больного»), подобно тому как одним прикосновением по вере исцелилась в Евангелии женщина.

15. Святой Павел в главе 1 к Римлянам говорит: «*праведник жив верою*»⁴². Отсюда очевидно, что вера есть пища нашего духа, и что она производит в духе питательный эффект такой же, как пища материальная – в желудке. Ведь человек не двинется взять пищу, без веры в насыщение от неё. Если поверит в питательные свойства пищи, то примет, а если нет, то, будь она даже сама по себе хороша, не примет. То же самое верно и о любом животном, причём питательное действие принимаемой пищи различается в зависимости от видовой природы принимающего. В человеке пища действует иначе, чем в другом животном, скажем, собаке или льве, в человеке молодом – иначе, чем в старике. Если же не верит и вследствие этого не принимает живительной пищи, то тогда и жить в таком воздержании тоже не сможет. И даже веруя, что жить сможет [только благодаря пище], но при этом не поверив и не приняв [вот этот] *хлеб жизни*, т.е. Христа⁴³, жить всё равно не будет, подобно тому как, если кто, веруя что питание сможет укрепить и восстановить его природу, при этом не поверит в питательность собственно пищи и питья, то такому человеку не выжить.

Таким образом, верный дух должен поверить, что сможет обрести всё желаемое, и обрести именно через Спасителя, а иначе не сможет двигаться к покою Спасителя.

Отсюда следует, что все те разумные души, что не верят в вечную жизнь, либо верят, но не во Христе, лишены - по причине своего неверия – ведущего *к жизни пути истины*⁴⁴. Они не движутся к жизни, в возможность обрести которую не верят, а если даже и движутся, потому что всё же верят, то всё равно движутся не через Того, Кто Сам есть ведущий к завладению *жизнью путь истины*. Всякая душа, верующая в возможность получить жизнь или спасение от кого-либо другого, а не Спасителя, верит не правильно и не находится на пути к жизни. Напротив, отпадая от пути к жизни, она получит смерть. Поэтому все магические искусства, всякое шарлатанство и то, что причастно гаданию, подлежит проклятию. И только у *праведного*, по слову апостола, *благодаря вере будет жизнь*⁴⁵.

16. Поэтому стоит обратить внимание также и на то, что Павел говорит следом, а именно что люди, когда уклоняются с пути разума на путь скотский, тогда облакаются в скотскую природу «*птиц, четвероногих или гадов*»⁴⁶, так что человек делается уже не человеком, разумным животным, но человеком скотским⁴⁷, делаясь через гордость птичьей природы, или же из природы четвероногих, преданных чреву и похоти, или же пресмыкающихся гадов, ненасытимо служащих земной алчности.

⁴² Рим. 1, 17

⁴³ Ин. 6, 35

⁴⁴ Прем. 5, 6; 2 Пет. 2, 2; Ин. 14, 6

⁴⁵ Рим. 1, 17; Гал. 3, 11

⁴⁶ Рим. 1, 23

⁴⁷ ср. XXX, 9

В этом состоит триединство мира сего: по слову апостола Иоанна, *в мире есть похоть плоти, очей и гордость житейская*⁴⁸. Кто обращается к этому обманному триединству, кто отдаёт предпочтение образу тленного человека перед нетленной истинной Троицею Бога, тот не может зваться верным. И даже если вера у него на языке, она всё равно не питает тогда в нём разумный дух, который не получает подкрепления в движении к духовной жизни, а наоборот сворачивает к тленной природе скотского человека, когда человек делается хуже, возрастая в скотстве, каковое есть смерть разума.

17. Симеон в главе 2 у Луки говорит, что Христос *«положен на воскресение и на падение и многих»*⁴⁹. Точно так же и вера Христова есть для праведных *воскресение*, а для неправедных – *падение* и пища смертоносная, ибо такового вера приводит не к жизни, а *на суд*⁵⁰. Если вера называет человека христианином, тогда как вкушивший этой пищи дух его на самом деле скотский, то сам разум выносит о нём тогда суждение как о *сыне смерти* [а не жизни]⁵¹.

Кто пищу духа божественной жизни предложил духу скотскому, устами назвав себя христианином, тогда как на деле *сердце его было далече*⁵², т.е. сердце его было от враждебного Христу мира сего, тот солгал о себе, что он якобы не от мира сего, но от Царства Христа, жизни и истины.

Наша же вера, вера в окончательный покой, есть «пища взрослых»⁵³, которая *побеждает мир сей*⁵⁴, т.е. утверждает, что мир этот от истинной жизни не имеет ничего, и которая ставит наш дух на тот путь, вне которого любой ищущий жизни заблудится, ибо *без неё невозможно никому угодить Богу*⁵⁵.

Это о втором поучении.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

18. Третье поучение – что прикасаются к спасению надеждой.

Надежда есть не что иное, как доведённая до полноты вера, т.е. [вера] без какого бы то ни было сомнения, о чём нас учит Христос в евангельском чтении: *«Будь уверена, дочь!..»*

Все святые, Иаков, Иоанн, Павел и другие, проповедовали это – что не знающая сомнений вера, полная и совершенная, есть то, посредством чего пустившийся в путь верный достигает и касается [спасения]. Ибо если находящийся в пути станет колебаться подобно ветру или волнующимся водам, то уповаемого не достигнет, а если будет

⁴⁸ 1 Ин. 2, 16

⁴⁹ Лк. 2, 34 («in resurrectionem» - синод. «на восстание»)

⁵⁰ Ин. 5, 24

⁵¹ 1 Цар. 20, 31; 2 Цар. 12, 5

⁵² Ис. 29, 13; Мф. 15, 8; Мк. 7, 6

⁵³ Августин, «Исповедь» VII, 10 (16); см. также у НК: III, 8

⁵⁴ 1 Ин. 5, 4

⁵⁵ Евр. 11, 6

иметь уверенность самую безоговорочную, даже и не видя самого уповаемого, то Бог не сможет его оставить. Если *всем сердцем* взыщешь Бога, то Он – это сама верность (pietas), которая не может *оставить надеющихся на Него*⁵⁶, но ублажает всех, кто на Него надеются.

Святой Мартин говорит: Кому случится впасть в великие искушения и опасности, тот, если доверится Господу, то *не убоится, что сотворит ему человек*⁵⁷. Так обретали уповаемое спасение и все святые – подходить и прикасаться ко спасению в Том, Кто был их *надеждой, крепостью и утверждением*⁵⁸, позволяла им именно полнота веры. И потому отвергали всякую *пустую надежду*⁵⁹, т.е. не возлагали надежд ни на то, что несёт улады плоти, ни на то, что любоначалию гордыни представляется усладой духа, как и к накопленным богатствам не испытывали доверия. Не страшились того, что, будучи миру сему противно, доставляет скорбь. Но, твёрдо доверившись Господу и *ожидая блаженного упования*⁶⁰, мужественно претерпевали огонь, железо, воду, меч и всевозможные [иные] муки. И потому достигли спасения, по примеру также и блаженной Цецилии, чей переход через постоянство веры к восприятию надежды вечной славы мы празднуем сегодня. Всё, что *есть в мире*: всякую *похоть плоти*⁶¹, всякую алчность, всякое любоначалие, да вообще всю сию чувственную жизнь, - презрела она, доверившись обещанию Небесного Жениха, Который сегодня через мученичество привёл её к Небесному Царствию.

19. Подобно им не станем же и мы тоже доверять ни телесной крепости, ни полноте богатств, ни множеству друзей, ни телесной красоте, ибо *жизнь наша* есть *дуновение* и подобна *сухой траве и полевому цветку*⁶²! И как стебель тыквы, неспособный стоять сам, опирается на палку и т.д., так и мы да будем доверять не себе самим, но только лишь *Крепчайшему*⁶³! Будем смелы и напастям не станем придавать веса, подобно слугам могущественного владыки, черпающим себе мужества в могуществе господина своего!

Притч 28: «*Праведник будет уверен и бесстрашен, словно лев*»⁶⁴. Ибо [уверенность] изгоняет страх, придаёт совершенную смелость, ограждает от чародейства.

Смотри, как избавил [Бог] доверившуюся [Ему] Сусанну от лживого суда⁶⁵, как избавил святого Мартина от дьявола и от разбойников, и т.д.

⁵⁶ Иудиф. 13, 14 (Вульг)

⁵⁷ Сульпиций Север, «Житие святого Мартина» VI, 2; Пс. 117, 6

⁵⁸ Пс. 60, 4; 17, 2

⁵⁹ Сир. 34, 1

⁶⁰ Тит. 2, 13

⁶¹ 1 Ин. 2, 16

⁶² Иов 7, 7; Ис. 40, 6

⁶³ «fortissimo» - Быт. 33, 20; 46, 3; Чис. 16, 22; Нав. 22, 22, Иер. 32, 18 (всё - Вульг.)

⁶⁴ «iustus confidens quasi leo sine timore erit» - Притч. 28, 1 (цсл «п ráведный же я́ко лёвь упováя»; синод. «праведник смел, как лев»)

⁶⁵ Дан. 13, 35 («erat enim cor eius fiduciam habens in Domino»; цсл «я́ко б́яше сёрдце ея́ упováя на Ѓспода»)

Иисус наш верен⁶⁶. Доверимся же Ему всем сердцем, приступив вместе с той женщиной и повторяя за ней: «Если только прикоснёмся к одежде Его, спасены будем», и размышляя об удивительной силе Его, передающейся даже траве, которая, как сообщает «Церковная история», дорастая до бахромы на одежде изваяния Христова, начинала исцелять любое кровотечение⁶⁷. Ибо имеем Врача верного, наиавторитетнейшего, Который излечивает дух, наделяя его в свою очередь способностью Его силою излечивать тело, Который наделил апостолов Своих способностью на *недужных*, доверившихся, *руки возлагать* и тем исцелять *во имя Его*⁶⁸.

Поэтому, если только мы верные, то не должны ли по необходимости признать, что таким путём получают исцеление все, кто доверился Христу и чьё исцеление помогает, а не мешает уповаемому спасению духа?

20. Прогоните, о вы, женщины, те дурные заботы, коим часто предаётесь, доверившись суеверию; знайте, что даже если когда-то и увидите эффект, то это эффект не истинный, а обманной!⁶⁹ Ибо [его мнимость] скрыта действием духа, укрепляемого собственной уверенностью, пусть даже и обманчивой, которую он [тем не менее] считает истинной, так что недомогание по видимости исчезает, скрытое окутавшим его духом и на самом деле остающееся неизлеченным, хотя затем естественным образом может наступить как излечение, так и перерастание в болезнь. Это подобно тому, как неожиданная радость приводит дух в чрезмерный восторг, стягивающий животворящую силу настолько, что члены лишаются жизненной силы, и исцелить их может только неожиданная неприятность, и наоборот.

Ещё лишает сил внушённый страх, как описано в примере с тремя врачами, что по очереди осматривали четвёртого – здорового, и каждый ложно утверждал о расстройстве его организма, чем довели того до болезни. Или приговорённый к смерти, будучи с завязанными глазами, воображением мнимой казни довёл себя до того, что почувствовал себя бездыханным и оказался при смерти.

Множество подобных происшествий вполне обычно – когда переживание, запечатлённое в духе, производит перемену в теле, как о том трактуют медики в книге «О физических лигатурах»⁷⁰.

Однако христианину не подобает доверяться суевериям в тех вещах, куда не достигает разум, ибо к ним часто примешивается *дух лукавый*. Но да прибегает он, доверившись, ко Христу, благоговейно моля *возложить на себя руку во имя Его*. А возлагающий руку пусть говорит:

21. «Господи, Ты, сказавший, что кто будет *иметь веру с горчичное зерно, тот будет двигать горы с места на место*, и ещё сказавший Петру, усомнившемуся в хождении по водам: «*Малoverный! зачем ты усомнился?*», и ещё сказавший недужной женщине:

⁶⁶ «veraх» - букв. истинен, правдив; ср. Рим. 3, 4: «Deus veraх»; ссл «Богъ истиненъ»; синод. «Бог верен»

⁶⁷ Евсевий Кесарийский, «Церковная история» VII, 18 (1-2)

⁶⁸ Мк. 16, 17-18; Деян. 3, 6; 4, 10

⁶⁹ здесь и ниже - см. II, 14-15

⁷⁰ см. II, 26 и прим.

«Доверься, дочь! Вера твоя спасла тебя», Сам изгони и эту болезнь из недужного верного, доверившегося Твоей силе, на коего по заповеди Твоей и во имя Твоё, иже есть Иисус, возлагаю руку»⁷¹.

В таких и подобных им благочестивых делах *доверься*, ибо *блага милость Господа*⁷², Который слышит всех надеющихся на Него, как учит нас апостол Иаков в главе 5 Первого Соборного Послания⁷³.

И это – о третьем поучении.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

22. В-четвёртых, я сказал, что любовь (*caritas*) связывает.

В самом деле, любовь есть форма, или жизнь, всех добродетелей. Ибо *если любви не имею, то я - как медь звучащая*⁷⁴, т.е. полностью безжизнен (что явствует из апостола).

Далее, она - корень добродетелей (как говорит Августин и как утверждается в разделе «О покаянии», дист. 2 «Корень»⁷⁵), из какового корня проистекает мякоть сострадания, цветок благого чувствования, лист благого речения, плод благого делания⁷⁶.

Ибо она есть то формальное, что имеет место во всех добродетелях: *надо всеми сущие узы совершенства* (Кол.3)⁷⁷. Причём узы самые жёсткие и крепкие: *«словно смерть любовь»*⁷⁸. Поэтому имеющего истинную любовь ко Христу, Который и есть сама любовь, *не разлучит даже смерть*⁷⁹, не говоря уже о чём бы то ни было из мира сего.

Однако желающему иметь правильную любовь надлежит *изгнать всякий страх*⁸⁰ и несовершенную любовь, ибо если боится, то пока ещё не совершенно любит. Страх ведь означает, что боящийся не желает потерять что-то ещё кроме самого предмета любви; нежелание потерять означает привязанность к тому, чего терять не желают. Но совершенная любовь есть любовь к единственному предмету. Ведь тот любит меньше, чем способен любить, кто дробит свою любовь и любит разное. Так что *любовь изгоняет всякий страх*, боясь лишь одного – оскорбить любимого. Вследствие этого совершенно любящий Христа не боится никакой потери, ибо кроме Него не любит ничего, и ради Него – всё.

23. Обрати внимание: что связывает все вещи, чтобы были тем, что они суть? – конечно же, любовь, которая есть узы единения и согласия. Разве мир наш, чтобы оставаться ему

⁷¹ Мф. 17, 19; 14, 31; 9, 22

⁷² Пс. 68, 17

⁷³ ср. Иак. 5, 14

⁷⁴ 1 Кор. 13, 1

⁷⁵ см. «Декрет Грациана» II, 23 De penitentia, cap. 13 (Friedberg I 1194); у Августина такой формулы не найдено

⁷⁶ ср. компиляцию из «Поприща спасения» у НК в II, 24

⁷⁷ Кол. 3, 14 («vinculum perfectionis»; цсл «союзъ совершенства»; синод. «совокупность совершенства»)

⁷⁸ Песн. 8, 6

⁷⁹ Рим. 8, 35 слл.

⁸⁰ 1 Ин. 4, 18

единым миром, не стягивают некие узы любви, разлитой по всему, что ни есть в мире? Точно то же верно и о бытии царства, народа, города, общества, дома или рода, а также семьи и т.д.

Далее, если вдуматься, само существование нашей чувственной жизни опирается не на что иное, как любовь. Ибо есть некий общий для души и тела дух, которому свойственна природа души, поскольку душа нисходит к животворению тела, но который также и от природы тела, поскольку тело восходит в приготовлении себя к принятию жизни. Этот дух есть узы, ибо душа желает животворить тело, т.е. быть в теле, потому что любит тело; и тело также любит душу, без которой не существовало бы.

Но как любая вещь клонится к ничто, к смерти и к разрушению, когда исчезают скрепляющие узы, т.е. когда исчезает любовь, так и тело перестаёт жить, когда перестаёт хватать силы названному духу. При нехватке природного тепла, этого духа, без тепла существовать неспособного, тоже начинает не хватать; и так от нехватки уз наступает смерть, или отделение души.

24. Ещё отметить: как относится душа к телу, так относится Бог к душе.

В самом деле, в теле самом по себе ничего от жизни нету кроме того, что дано ему душою. Иными словами, чтобы тело могло жить, нужно, чтобы жизнь ему сообщила душа. И тогда тот связующий дух, что уже прежде сошёл от души, которая есть жизни тела, воспрянет также и в сообщённой телесной жизни. Подобно тому и жизнь нашей души, сущая от *истинной жизни*⁸¹ нашей души, даруется через благодатное нисхождение этой истинной жизни, в силу которой мы существуем теми, кем существуем.

*Прежде – поэтому - возлюбил нас Бог, неспособный ненавидеть ничего из того, что сотворил*⁸². Но при этом даровал нам не только быть (как «солнце своё возводит над добрыми и злыми»⁸³), но также даровал нам и такую умную (*intellectualem*) жизнь, посредством которой дух наш способен возводить себя от данной ему умной жизни ещё выше, связывая себя узами с самим *источником своей жизни*⁸⁴, подобно тому как тело узами связывает себя с душой, чтобы жить жизнью души.

Причём как тело может связать себя с душой только с помощью тёплого духа, который живёт, распоряжаясь коренной жидкостью, нагреваемой, в свою очередь, жидкостью питательной⁸⁵, так и умный дух наш связывает себя с жизнью своей только теплом умной любви (*amoris intellectualis*). Именно любовь связывает наш умный дух с *источником жизни* вплоть до связи глубокой и внутренней, такой как между жизнью тела и жизнью души.

⁸¹ 1 Тим. 6, 19 (Вульг.)

⁸² 1 Ин. 4, 19; Прем. 11, 25

⁸³ Мф. 5, 45

⁸⁴ Пс. 35, 10

⁸⁵ «humidum radicale, humidum alimentale» - см. прим. к CLI, 8

Таким образом, любовь (*amor seu caritas*) есть то восполнение (*complementum*), что позволяет нам в нашей жизни овладеть возлюбленной жизнью.

25. И заметь, что дух наш, ум живущий – это тоже в некотором смысле любовь⁸⁶. Ибо что есть жизнь, если правильно вдуматься, как не любовь, или веселье, или радость?⁸⁷ Поэтому мы и зовём вечную жизнь вечной радостью.

Однако в природе любви никогда не успокаиваться, о чём говорит Соломон, когда изображает любовь *сердцем, бодрствующим* в спящем теле⁸⁸.

Также в природе любви свобода, ибо движение любви - по благородству её – свободно, и вынудить её невозможно. Если же покоряется принуждению, то это не может быть истинной любовью, но лишь притворной: так страх розги или ужас наказания заставляет нас иногда изображать в себе любовь к самодурному прелату или владыке. Точно так же если кто любит нечто ради какого-то другого приобретаемого удобства или избегаемого зла, то любит не истинно и не совершенно, а скорее любит сам себя и то удобство, чем того, кого любит.

Итак, природа чистой любви свободна. И поскольку природа любви ещё и в том, чтобы обращать себя в то, что любишь (так друг (*amicus*) есть «второе я», а «любящий присутствует в любимом»⁸⁹), то тогда, следовательно, и дух наш, поскольку он сам, как сказано выше, есть любовь, тоже свободен и может, влюбляясь, обращать себя к вышнему или к нижнему.

И следовательно, обращаясь - посредством любви, т.е. посредством самого себя - к непостоянному и ущербному, он тогда застывает там и в этот предмет свой любви сам обращается. И если будет находиться там в час, когда оставит тело, то там же и останется, и именно посредством обращения в природу того, что полюбил. И этим непостоянством, чуждом радости, миру и покою, сам и будет терзаем - согласно природе того, что полюбил и во что обратился.

26. Поэтому мы, дрожащие странники по миру сему в поисках постоянного блага, будем проходить мимо всего, что встречает нас под видом блага, сладостного и желанного! Ибо, как говорит Иоанн в Соборном Послании, *прейдёт мир и похоть его*⁹⁰. И обратимся к источнику любви и блага нескудеющего – туда, где успокаивается выбор любого желания любящего духа!

А иначе, если исход отсюда застигнет нас в обращении к изменчивому, то к изменчивости нескончаемой мы – уже с отвращением – и прилепимся. Говорит ведь

⁸⁶ «*spiritus noster, vivens intellectus, amor quidem est*» - НК не имеет здесь в виду отождествления интеллекта и любви (или аффекта, высшее проявление которого - *amor*); ср. XLII, 3, где об интеллекте и любви говорится как о двух «верховных способностях души»

⁸⁷ «*quid aliud est vita... quam amor*» - ср. Августин, «О Троице» VIII 10 (14): «*quid est ergo amor, nisi quaedam vita*»; см. также у НК: Послание к новицию Николаю, 12

⁸⁸ Песн. 5, 2

⁸⁹ см. Аристотель, «Никомахова этика» IX, 4 1166a31-32; «*Auctoritates Aristotelis*» XII, 177; Фома Аквинский, «Сумма теологии» I/II 28.1-2

⁹⁰ 1 Ин. 2, 17

Христос в главе 6 у Иоанна, что *в Нём будем иметь мир, а в мире – скорбь*⁹¹. Тому, кто любит мир иметь частые скорби – необходимость, ибо сам видит и из опыта знает, как то, что любит, убывает. Тому же, кто любит Христа, а о мире не заботится, любые невзгоды мира сего безвредны, ибо не имеет он ничего мирского, чья убыль его бы опечалила.

Так что *дружба с миром* сим враждебна миру, и поэтому, поскольку *мир (рах) – это Бог*⁹², *враждебна Богу* (Иак. 4)⁹³, и потому уводит и от Бога, и от мира.

27. Пусть откроет нам ум своим подобием [такая вещь, как] супружество : ты, будучи свободным [мужчиной], можешь сойтись с любой свободной [женщиной] и выясняешь, с кем именно тебе желательно. Ты избираешь какую-то одну, по виду представившуюся тебе желанной, за её красоту, юность, богатство. Однако после того, как уже связал себя с ней, завершив своё странствие, где ты свободно разгуливал, влюбляясь то в одну, то в другую, обнаруживаешь свою избранницу переменчивой, непостоянной, беспокойной, лишённой мира. Не великая ли это скорбь – прилепиться к постоянному беспокойству? (То же самое скажем и о ищущей брака девице.)

А другой не смотрит ни на золотые женские ножки, ни на внешний облик, но ищет красоты внутренней: добродетельна ли, мирна, честна, благоразумна ли? И пусть не носит она столь изящной одежды и не кажется миловидной, он тем не менее избирает её и связывает себя с нею. И будет радоваться в непрестанном веселье. В доме его всюду мир, достатка сколько нужно, и дни свои он проводит с честью и радостью.

Так же и с душой, которая в мире сем ищет, кого полюбить и кому обручиться: этой ли быстротекущей жизни или жизни постоянной? И становится одним с тою, кого выбирает.

Павел наставляет нас, что как один *прилепляется к блуднице и составляет одно тело с нею*, так другой – со Христом; и ещё показывает, что *великое таинство* брака изображает, как душа, прилепившаяся через обручение жизни, или Христу, становится как бы *костью от кости Христовой и плотью от плоти Христа*⁹⁴. Ибо Он – Жених души, Кого она избирает, силою любви сама обращаясь в Него.

Всё время нашего странствия здесь есть время свободы. Завершение же жизни сей – это окончательность обручения, когда больше нет уже места покаянию.

28. И остережёмся, чтобы не обманула нас эта свобода, и мы, уверенные, что времени остаётся ещё много, не решили, что успеем обратиться прежде конца. Ибо Господь приходит, словно *тать в ночи*⁹⁵, и ничего тебе заранее о Своем приходе не сообщает. И смерть настигнет тебя прежде обращения.

⁹¹ Ин. 16, 33

⁹² Еф. 2, 14

⁹³ Иак. 4, 4

⁹⁴ 1 Кор. 16, 6; Еф. 5, 32; 5, 30; Быт. 2, 23

⁹⁵ 1 Сол. 5, 2

Так один знатный блудник прилепился к полюбившейся ему наложнице из крестьянок, и сколько ни уговаривали его расстаться с нею и сойтись с какой-нибудь девушкой из благородных, чтобы та родила ему благородного наследника, он, увлечённый любовью к ней, не слушал. Однако в душе своей всё же вынашивал замысел расстаться с наложницей и сойтись с другою когда-нибудь позже. Но затянул с этим вплоть до само старости, и умер прежде, чем расстался с наложницей. И тем лишил себя дальнейшей жизни в потомках, и умерла добрая слава его, и т.д.

Не обманемся мы и видом каких-нибудь долгожителей, мы ведь знаем, что гораздо больше людей умерло, не дожив до нашего возраста! Поэтому, *доколе есть время*, будем делать самые добрые дела любви и жизни!⁹⁶ И с Ним соединим и свяжем себя, ничего более не ожидая, ибо никого более достойного избрания ожидать невозможно. Ожидание ведь предполагает, что может случиться что-то лучшее; и где это невозможно, там для него нет места.

29. Я также упомянул⁹⁷, что природное тепло, без которого не существует того духа, что соединяет тело с жизнью души, сохраняется корневой жидкостью, а та в свою очередь – жидкостью питательной. В связи с этим стоит заметить, что как телу ради того, чтобы оно жило, служат все его члены и весь этот мир, так и нашему духу ради того, чтобы он жил, служат само тело, члены тела и весь этот мир.

Что касается тела, отметь: природное тепло подобно огню в лампаде; корневая жидкость – как бы масло, питающее огонь. Этого масла всё время не хватает, но подливают другого масла и тем огонь сохраняется. Правда, когда масло состарится, оно огустевает, делается отвердевшим и мутным, и в таком землистом состоянии уже плохо питает огонь, и даже подпитку другого масла уже в себя не принимает.

Так же и с нами. Питающая тепло корневая наша жидкость нуждается в поступлении дополнительного топлива. Корневая жидкость у нас от родителей. И ради того, чтобы сохранялась она как можно дольше, природа создала тело с его членами. Не находя соответствующего [телесному составу питания] в [каком-то] одном месте – «из чего состоим, тем и питаемся»⁹⁸ - [природа] создала «животное способное ходить»⁹⁹ в поисках соответствующей пищи; придала ему руки, чтобы извлекать её из того или иного места; придала глаза, чтобы видеть, есть ли [там пища]; уши – чтобы слышать, где стоит исткать; зубы – чтобы жевать; желудок – чтобы переваривать; печень – чтобы усваивать; и т.п.

И ещё придала ему ум, чтобы варить [пищу] на огне, чтобы сеять, выращивать, строить, ткать и т.д.

30. Затем дала ему эту землю, как бы кладовую, откуда можно извлечь всё, как потребное для пропитания (вино, хлеб, мясо, травы), так и относящееся к

⁹⁶ Гал. 6, 10

⁹⁷ см. §24 выше, а также прим. к CLI, 8

⁹⁸ см. Аристотель, «О возникновении и уничтожении» II, 8 335a10; «Auctoritates Aristotelis» IV, 36

⁹⁹ «animal gressibile» - из школьного определения человека (см. Аристотель, «Об истолковании» 5, 17a13)

благоустройству бытия (металлы, камни, древесина, лекарственные травы, и т.п.) Дала воду ради рыб, ради мельниц, ради утоления жажды, ради перемещения. Дала воздух ради дыхания, ради дождей, ради ветра, ради ветряных мельниц; солнце – ради освещения и ещё чтобы согревало воздух и изводило плоды и т.д.; луну – ради прироста плодов и ради движения вод морских, и т.д.

Отсюда видишь, как всё сотворённое Богом в сем видимом мире с величайшим усердием служит тому, чтобы жизнь тела не угасала, чтобы корневая жидкость в течение какого-то времени сохранялась и продолжала питать естественное тепло, не давая тем угаснуть духу, который есть связь тела с его жизнью.

Но поскольку невозможно было в конце концов избежать угасания того, что для своего поддержания требует таких усилий, то поэтому природа, видя что это тело нельзя сохранять в жизни всё время, изобрела способ, каким от этого смертного тела путём порождения отсекается семенная жидкость – ради другого [нового] тела того же вида, чтобы животное, раз уж невозможно ему бесконечно жить как индивидууму, продолжало по крайней мере жизнь в своём виде. В этом смысле говорят, что отец и мать живут – сообразно жизни чувственной – в своих детях.

Оттого смертные животные побуждаются к делу порождения как к наиестественнейшему – чтобы смертное живое существо жило в сыне.

31. Когда размышляешь об этом, о том как всё [в мире] служит свою службу сохранению жизни, дух твой начинает видеть, *сколь благ Господь*¹⁰⁰, и начинает удивляться¹⁰¹. Телом, чувствами, воображением, рассудком и всеми своими способностями он пользуется для того, чтобы всем делам Божиим удивиться, и чтобы от удивления пробудиться к любви, удивляясь благодати Создателя, даровавшего всё это с тою целью, чтобы умный дух наш пробуждался и обращался от мира сего к Нему, и чтобы удивление подобно удару железа о камень выводило его из потенции в акт, и он, словно [таящийся] в потенции огонь, вспыхивал в своём актуальном бытии, и оттуда разрастался бы дальше уже безгранично. Так в яйце движение внешнего тепла пробуждает движение тепла природного – и вылупляется живой цыплёнок.

Я полагаю, что в устройстве мира наш умный (*intellectualis*) дух стоит на низшей ступени умной природы, ибо по своей природе он [остаётся] в потенции понимания, в действительности не понимая. А из потенции в акт его выводит пробуждающее удивление. Пробуждение начинается с движением образов, воспринимаемых из чувственного мира, чтобы ум проснулся в удивлении. Удивление заставляет удивляющегося искать, что его вызвало. Ум просыпается, как когда громкий голос, сотрясающий чувственный слух, пробуждает к бодрствованию спящего. Вот так и наш ум, словно спящий и пребывающий в потенции умной жизни, которая состоит в понимании, или бодрствовании, становится действительным, чтобы бодрствовать.

И тут загорается в пылом любовном влечении к постижению Того, Кто есть Податель всего. Когда цветной образ приносит себя глазу, дух в глазу чувствует препятствие, и

¹⁰⁰ Пс. 134, 3

¹⁰¹ об удивлении - см. «Об искании Бога» гл. 3; «Теологические дополнения» 10; CCXLII, 20 CCLXVIII, 15

чувственная душа обращается тогда поверх образа и, удивляясь, ищет, чей это образ. А через зрение посредством чувственных образов пробуждается ум, чтобы искать «чтойность»: называет то, чье изображение [видит], человеком, удивляется – что́ есть человек? - и так приходит в движение, чтобы действительно понять истину, сущность или единство человека, и т.д.

32. В этом я вижу причину, почему умный дух, по своей низкой степени интеллектуальной природы спящий и пребывающий лишь в потенции, временно связан с телом: через образ этого мира он действительно пробуждается к познанию, т.е. к жизни и бодрствованию!

Итак, всё тело и весь этот мир служат нашему духу, чтобы он пробудился в любви к своей жизни и вместе с другими духами, ангельскими, живущими действительной жизнью, был способен, привязанный любовью, жить подобно им, сообразно степени своей любовной привязанности прилепляясь любимой жизни.

Поэтому, чтобы улучшить жизнь, будем же любить её максимальной любовью! Каковой да сподобит нас Бог, Который Сам *есть любовь*¹⁰², во веки благословенный.

¹⁰² 1 Ин. 4, 8